

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
пятой международной научной конференции,
посвященной 50-летию со дня кончины А. П. ПЛАТОНОВА

23–25 апреля 2001 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

Елена Роженцева (Москва)

РАССКАЗ ПЛАТОНОВА «ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Массы — слово-символ в языке первого послереволюционного десятилетия, слово, которое Платонов не раз использовал в ироническом контексте. Так, например, в «Че-Че-О» (1928):

«Почему это все в массы швыряют — прямо как кирпичи летят. Книгу, пишут — в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже, значит, в массы... Дьячка этого, — он кивнул на подоконник, — тоже в массы, критику — опять давай в массы. От таких швырков голова отлетит».

Писатель не просто не принимал это слово. Он обращался с ним очень бережно, всегда оставаясь писателем, формулирующим и высказывающим мысли той самой «массы» вслух. В повести «Ямская слобода» Миша-солдат возмущенно говорит о дореволюционном правительстве:

«Царь и богатые люди не знают, что сплошного народу на свете нету, а живут кучками сыновья, матери, жены — и один дороже другому. И так цопко кровями все ухвачены, что расцепить — хуже, чем убить... А сверху глядеть — один ровный народ, и никто никому не дорог! Сукины они дети, да разве же допустимо любовь у человека отнимать? Чем потом отплачивать будут?»

Но, наблюдая уже послереволюционное время, писатель видел, что отношение к народу, на деле не изменилось: «А ведь это только сверху видать, что внизу — масса, а на самом деле внизу отдельные люди живут, имеют свои наклонности, и один умнее другого» (Че-Че-О). Эти размышления будут продолжены в других произведениях Платонова. Так, в пьесе «14 Красных избушек» Суенита расспрашивает Хоза и рассуждает уже о «жуликах» и «мерзавцах»:

«Суенита. Они наверно [*думает*] думают про людей так (встает в сенях и декламирует):

А вы на земле проживете,
 Как черви земные живут —
 Ни сказки про вас не расскажут,
 Ни песни про вас не спокот!

А я думаю, что когда-нибудь земные черви сами запоют, раз о них петь [*не хотят*] некому. Черви же, это люди бедняки: факт! Это мы!

Хоз. Именно так, девочка. Вас в кружке этому учат?

Суенита. Нет. Наоборот: я сама догадалась»¹.

Этот фрагмент не вошел в машинописную редакцию пьесы.

В поисках названия для пьесы «14 Красных избушек» Платонов проходит через название, связанное с главной героиней произведения («Суенита»), но с другим жанровым определением — «комедия». Вероятно, поиск героя времени тогда не актуализировался в произведении. «Безгеройность» эпохи в платоновском художественном мире связана не только с идеологическими обстоятельствами например, с официальной исторической концепцией М. Н. Покровского, но, в первую очередь, с собственным видением мира, которое было рождено революционной эпохой. Как писал В. Васильев, Платонов знал «тот тип положительного русского человека, сформировавшегося в недрах истории и старой государственности, которому принадлежит большое будущее»². И из этого жизненного знания рождаются художественные образы платоновской прозы.

Не без полемики с горьковской концепцией «маленьких великих людей» необходимо читать утверждения Платонова в статье «Пушкин и Горький» (1937): «Известная мысль, что женщины, пожалуй, более “главные” люди, чем мужчины, — более драгоценные, в сущности, и не потому только, что они детей могут рожать, — эта мысль получила в “Детстве” (повести Горького. — *Е. Р.*) почти объективное доказательство». Бабушка Акулина Ивановна в повести «является фактической хозяйкой человеческого мира, окружающего ее, хотя явно и не господствует в нем, — но хозяйствовать ведь важнее, чем господствовать»; «Акулина Ивановна, есть истинная мать — хозяйка своего двора и своих близких людей, а при нужде и случае — всего мира».

Важная мысль о герое-хозяине идет, думается, от исторической концепции, сформировавшейся в повестях Платонова 1926–1927 гг. «Петр был великий хозяин, всего лучше понимавший экономические интересы...»³. Эту оценку В. О. Ключевского в 1920-е гг. разделял С. Ф. Платонов: «...Петр глубокий стратег и государственный хозяин»⁴. Приоритетное положение «хозяина», выделяемое историками в деятельности Петра Великого, помогает более глубоко понять направление поиска героя времени. Так, главная героиня «Избушек» — произведения, в котором исторические контексты становятся основой понимания настоящего, — Суенита названа «советской хозяйкой». Но хозяйка в «Избушках» — Суенита — почти ничего не предпринимает для спасения людей. Ее пассивность вызвана заменой реальных действий во имя ближних мыслями о далеком будущем, которые руководят ее действиями: сено обменять на племенных овец, которых нельзя будет есть; наловить рыбы, когда уже и на это не остается сил и т. п.

И только позже, в рассказе «Великий человек», по-настоящему по-хозяйски будет относиться к своему колхозу председательница Мавра Гавриловна (интересно, что, как и в «Ямской слободе», имя героини связано с семьей писателя: Маврой звали прабабку Платонова⁵). Она будет горевать обо всех колхозниках, как о своих близких людях, и потому сможет передать сыну это умение мир взять в сердце:

«И с недавней поры Мавра Гавриловна стала жить полной заботой о всем колхозе. Раньше, [она,] когда [не ходила] Мавра Гавриловна не ходила еще в председателях, она только вздыхала, когда видела непорядки [но прево] в общем деревенском хозяйстве, но превозмочь их не могла. Теперь она вздыхать перестала, [потому что справлялась / начала справляться с непорядками, обращаясь с людьми в колхозе как обращалась с мужем / со своим семейством / как обращалась на дворе / в избе и хозяйстве со своим семейством, когда еще был жив муж и старший сын, / не / Савва, не погиб на войне] потому что не о чем было горевать, когда власть была в ее руках, [Горе она чувствовала от того, что невозможно] и можно [стало] стало превозмочь [всякое] всякий ущерб [всякое злодейство] или недостаток и всякое беспутное злодейство в хозяйстве. Если даже и нельзя сразу все сделать [по-добру,] по доброду, то легче знать, что вина за это находится в тебе, потому что сама, значит, не умеешь совладать с другим нерадивым человеком, сама, значит, негодная, чем видеть эту вину в неподвластных лодырях и [гуля] праздных гуляках; страшно только то зло, до которого руками нельзя добраться, а когда можно, то чувствуешь себя [хорошо] заранее хорошо, если зло даже и существует пока. Поэтому Мавра Гавриловна почувствовала теперь облегчение, [и даже] и болезнь ее от [хоро / лучшего настроения беспокоить стала меньше] улучшения настроения ослабла или забылась.

Она по-прежнему вела домашнее хозяйство в избе и стряпала обед к приходу сына с работы. Делов у нее не стало больше от должности председателя, [а все так же, что и раньше] потому что она с малолетства [привыкла] привыкла к заботе, [а что в колхозе не один двор, и не одна корова, так и рук в нем не одна пара и голова думает не одна] а что эта забота теперь большая [стал] стала, то иная маленькая единоличная [забота] нужда, [ли] либо нехватка, сушила кости, бывало, злее всякой большой общественной [заботы...] заботы» (л. 18–20).

Чтобы суметь пройти в становлении образа главного героя рассказа «Великий человек» за писателем, нужно вспомнить Филата-батрака из «бедняцкой хроники» «Впрок», которому сопутствует солнце:

«Филат увидев солнце на небе и организованный народ внизу, обрадовался всеми силами своего тела»;

«Филат стоит улыбается, трудящееся солнце сияет над нашим колхозом и всем мировым интернационалом»;

«Глянь на солнце, дайте ему воздуху...»;

«Филата вынесли на траву и положили лицом к небесному свету солнца»;

«Вот он я живой — ты видишь, солнце горит над рожью и надо мной!»

Свет солнца воспринимается Филатом и действует на него, как на одно из природных явлений, как на растение, давая силу жить: «Филат улыбнулся ближнему народу и всей окрестной цветущей природе». Председатель колхоза тоже возвышает Филата до религиозного символа (в то же время и уподобляя солн-

цу): «...теперь, ты, грустный труженик, должен сиять на свете вместо кулацкого Христа...»

И вот по прошествии десятилетия развитие этого образа завершается: писатель находит место этого героя в истории. Образ «безвестного знаменитого человека», живущего под солнцем, укоренившись на своем месте, станет главным в рассказе «Великий человек». Продолжая размышление на тему величия человека, Платонов возвращается в этом рассказе к «14 Красным избушкам»:

«— Замрешь здесь как черенок в плетне! Кто про тебя сказку расскажет, либо песню над гробом споет?

— Никто, — сказал Хромов. — Мне не *[надо не]* надо сказки...

— Не надо? А это опять твое уподобничество в тебе говорит...» (л. 13).

Наметим линию, по которой шло развитие темы, обратившись к рукописи⁶ и машинописи⁷ рассказа «Великий человек», а также к материалу записных книжек писателя.

В мае 1939 г. в «Литературной газете» была опубликована критическая статья Платонова, посвященная повести Н. Митрофанова «Ирина Годунова». Он высказывает сомнение по поводу истинности характера героини в повести:

«В повести мы застаем Ирину в качестве начинающего композитора. До этого она была простой работницей, стрелочницей на производстве. А еще ранее — в детстве — беспризорницей. В Ирине обнаружились музыкальные способности, и вот советский завод определил свою молодую воспитанницу, свою дочь, учиться. Это в наших условиях естественно и натурально. Но мы не знаем, не уверены, очень ли это хорошо с точки зрения литературного искусства. То есть, обязательно ли нужно Ирине, и без того прелестному человеку, еще быть композитором, или скульптором, или парашютисткой, или чемпионом заплыва на дальнее расстояние? Трудно сказать наверное — обязательно это украшает и делает более глубоким литературное произведение или нет, но нетрудно сообразить, что если бы автор оставил Ирину сверловщицей и на столь “бедном” внешнем материале сумел бы не угасить ее духа, то автора ожидала бы более тяжелая задача, но и зато более благодарная. Ясно, что превращение сверловщика или токаря в музыканта или в художника-живописца — явление простое и обычно, и не нужно благородство человека изображать “благородными” же, возвышенными средствами, например — его музыкальным творчеством. Ведь сверлильный или же долбежный станок благороден не менее фортепьяно...»⁸.

В записной книжке 1939 г. Платонов записывает: «Выбор профессии; все хотели быть летчиками, музыкантами, писателями etc., а один мальчуган гончаром, — гений!»⁹. Запись дублируется в «Записях разных лет»: «[Гений: “Все хотели быть летчиками etc., а он один гончаром”]»¹⁰. Как указывает Н. Корниенко в комментариях, этот фрагмент был вычеркнут и использован автором в рассказе «Великий человек». Исследователь также пишет, что «в рассказе использованы записи поездки Платонова 1937 г. из Ленинграда в Москву»¹¹.

Направление правки в рукописи отчасти поможет прояснить вопрос о разработке темы: место «сильного» человека — Василия Ефремовича — мнимое, потому что только сам герой понимает свое «значение»:

«Однако, хотя Василий Ефремович чувствовал себя *[важно]* *[выше]* гордо и важно, ему было скучно существовать одному, *[неровней для прочих людей]* *[и чувствовать себя]* **непрерывно сознавая свое положение выше всех»** (л. 3).

Платонов уравнивает понятия сильный/слабый человек и великий/маленький: в вычеркнутом диалоге говорится о необходимости разных людей — сильных и слабых — в жизни, подразумевая независимость физической силы и полезности человека:

«[— Пусть живут все, дядя Василий, — промолвил Григорий. — Слабые тоже нужны на помощь сильным...

— Да едва ли, Гриша, — сильные / **сильные** обойдутся...

— А горя сколько от смерти, ты его, Василий Ефремович, не считаешь]

Григорий нахмурился и поглядел на всего Василия Ефремовича.

[— А я не хочу, чтоб люди зря помирали! Я не знаю, кто будет сильный, кто будет **слабый]**» (л. 23).

Сравним с этим диалогом разные по времени размышления героев Платонова. Герой «Ямской слободы» думал о своем существовании: «Я не при чем, что мне так худо, — думал Филат. — *[пусть я]* Я не нарочно на свет родился, а нечаянно, пускай теперь все меня терпят за это, а я мучиться не буду» (л. 60)¹². И еще Юшка — герой одноименного рассказа: «Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя!.. <...> а по надобности мы все равны...»¹³. Не «нечаянно», а «по закону» теперь уже родился человек на свет. По тому же высшему закону, которым определяется его предназначение, часто недоступное людскому пониманию — но для людей необходимое: притягивать к себе и тем самым обезвреживать зло в мире.

Платонов отказывается от изображения «славы» героя и стыда, который был вызван желанием славы даже в сновидении:

«И ему представилось, что он видит *[эти]* автомобиль *[в цветах]* с площадками роз, поставленными на подножки, видит людей в этом автомобиле, но не может никак *[узнать в]* разглядеть и узнать их в лицо, а когда узнал, то закричал от радости и заплакал: *[но кто-то тронул его за плечо, он обернулся и увидел военного начальника и вдруг он увидел впереди на / посреди улицы свой колодезь с новым воротом и крышкой на срубе, и автомобиль в цветах подъехал к тому колодезю, остановился, а шофер]* **в машине сидели как герои Гараська и Мишка из ихней деревни;** «мама, — сказал он матери, — я видел теперь всю славу и силу, они к Сталину **в гости** поехали, [— *но мать ответила ему тихо:*] я тоже хочу к нему», [— *и уже хотел]* но мать ответила ему тихо: «не шуми, когда он соскучится по тебе, тогда и позовет, а сейчас — нечего».

Григорий очнулся. Лицо его было покрыто *[действительными]* слезами и сердце дрожало от предчувствия счастья, но в избе было спокойно и *[неизменно]* неизменно, как **было** всегда с самого детства; горела лампа на деревянном, выскобленном столе, поскрипывал старый железный флюгер-петух на дымовой трубе над крышей, обеспокоенный полночным **ненастным** ветром, и мать спала на печи, она не обещала и не говорила сыну ничего. И Григорию стало вдруг стыдно *[его]* своего желанья счастья и славы, приснившегося ему *[во сне, словно / точно / будто он вышел к народу обнаж / обнаженный, худой, неизвестный — и народ*

приветствовал его в своей доверчивости, но истинной / истинного значения его, которое чувствовал лишь сам Григорий, никто не знал во сне, и жалко самого себя, незаслужившего ничего ни / ни славы ни чести

Он вышел наружу. Снаружи, вдалеке, горел огонь на крыше избы, и Григорий увидел эту избу: «Василий Ефремович горит», — подумал он.

Крыша избы погасла. «Кончилось, — увидел Григорий. — А могла бы вся деревня сгореть, весь колхоз.]

во сне, и жалко самого себя, не заслужившего ни славы ни чести» (л. 25–27).

В логике образа остается двойственность желания Григорием какой-то «внешней» славы — общего признания, стыд за это желание, и очень человеколюбивое и кроткое стремление помочь жителям родной деревни — близким людям. Это главное стремление отличает Григория от Василия Ефремовича — дело которого «в дальней стороне» — и от многих других жителей, по разным причинам ушедших из деревни. В начале рассказа конюх считал себя выше всех оставшихся жителей деревни — «непрерывно сознавал свое положение», — а Григорий Хромов душой и сердцем был связан с людьми. Когда мать не согласилась на строительство школы, то Григорий сначала «стал думать снова и передумал», но тут же исправлено: «[Григорий уже полюбил будущую тесовую школу, построенную его руками, и душа его стала бы пустая и больная]» и, наконец: «Но дума о будущей тесовой школе-библиотеке, построенной его руками, [так] уже согревала сердце Григория и [влекла его к дальнейшей жизни] делала жизнь его влекущей и милой...» (л. 33).

Рядом с Григорием на земле жили люди без всемирной славы, «у другого конца стола» «всю жизнь» находилась мать, которой писатель отдает истинное знание жизни и значение «оберега» жизни:

«Григорий пожалел, что закричал на мать: она ведь тоже всю жизнь не имела того, о чем он жалел, но жила без озлобления. Он поглядел в окно родной избы: мать постелила уже полотенце на край стола, где всегда обедал

[Григорию трудно]

и ужинал Григорий, а сама сидела [у дру / за столом] у другого конца стола задумавшись. О чем думают матери? Умирая, они оставляют своих детей на земле одних. Как же они должны желать того, чтобы весь свет переменялся к лучшему, чтобы дети [про] их продолжали жить, [после] оставшись [сиро] сиротами, без страха, без гонения, без измощающего горя, а так же бы как при матери...» (л. 35).

Причем в машинописи частица *бы* в последнем предложении была заменена словом *безопасно*.

Особенно замечательна финальная сцена рассказа, в которой появляется такое значительное у Платонова слово «масса», к которой причисляет себя Василий Ефремович. Наблюдая трудную работу подростка, он приходит Григорию на помощь. Величие дела Григория Хромова особо подчеркивается посредством введения в текст высокой лексики: «снял **тяжкий** камень... и [кинул] **свергнул** его на землю» (л. 37).

Здесь «польза», понимаемая «массой» (в лице Василия Ефремовича) как материальная, но «общая», побеждена пользой «высокой» и, в то же время, конкретной, когда жизнь отдельного человека, его духовное совершенствование являются высшим смыслом:

«Григорий обождал работать и промолвил [сверху]:

— К чему тебе браться, дядя Василий? Я один [стер / приноровился] **приноровлюсь** и стерплю...

— Как так к чему! — осерчал Василий Ефремович. — [Я] **А я** кто такой — скотина, значит, по-твоему?

— Нет, — ответил Григорий, — какая ты скотина — скотина такая не бывает... Я про школу тебе говорю — зачем тебе браться за пилу: школа тебе не нужна и весь новый мир тоже ни к чему.

— Верно, — согласился дядя Василий. — Ни к чему. А я не из-за того, я не ради школы и не из прочего: я ради тебя — ты для меня [весь новый мир и вселенная] теперь [вся вселенная] **вроде осьмушки всей вселенной представился**, потому что [не понятно, а хорошо] от тебя мне **внутри хорошо стало!** Но **только непонятно**, [пользы я] пользы я не вижу...» (л. 38).

В «Великом человеке» значение человеческой жизни видится писателю в том, что герой строит колодец и школу, оставляя тем самым в жизни по себе память. Хочется здесь отметить, что огромная любовь, понимание и изображение как величайшего деяния «безвестной знаменитой» человеческой жизни, каждого ее дня и любого ее проявления, что это видение величия в повседневности — одна из чеховских черт в творчестве Платонова:

«Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно»¹⁴.

¹ Платонов А. 14 Красных избушек // РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90, л. 7/II (авторская пагинация). Далее листы рукописи указываются в тексте статьи. Условные обозначения, принятые в статье: 1. Зачеркнутые фрагменты и слова заключены в квадратные скобки и набраны курсивом. 2. Слои правки разделяются косой линией (/). 3. Вписанные (сверху, снизу, на полях и т. п.) фрагменты и слова выделены полужирным шрифтом. В транскрипции сохранена авторская пунктуация.

² Васильев В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М., 1982. С. 95.

³ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. IV. М.; Пг., 1925. С. 59.

⁴ Платонов С. Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926. С. 94.

⁵ Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 13.

⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 72. Далее листы указываются в тексте статьи.

⁷ Малая проза Платонова / Публикация Е. И. Колесниковой // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2. СПб., 2000.

⁸ Литературная газета. 1939. 30 мая. № 30. С. 3. Подпись: Ф. Человеков // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 5.

⁹ Платонов А. Записные книжки. М., 2001. С. 212.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Там же. С. 407.

¹² Платонов А. Ямская слобода // Резервный фонд архива М. Платоновой в ИМЛИ (Группа собрания сочинений А. Платонова. Опись Н. Корниенко).

¹³ Платонов А. Юшка // Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1984. С. 109.

¹⁴ Записные книжки А. П. Чехова. М., 1927. С. 64.